

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-32-40>

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА «СЕМЬЯ»: СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНИКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ)

Марина Викторовна Небера

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия,
nebera@tpu.ru*

Аннотация

Проведен анализ специфики трансляции ценностных доминант, репрезентирующих семейные ценности русской культуры, представленные в учебниках по русскому языку как иностранному российскими и зарубежными авторами.

Материалом исследования послужили учебники по русскому языку как иностранному российских, китайских и англоговорящих авторов, написанные в период с 2007 по 2018 г., общим объемом более 3 тыс. страниц. Из представленного материала методом сплошной выборки были отобраны диалоги и нарративные тексты, имеющие отношение к теме «семья». Анализ полученных данных осуществлялся при помощи метода контекстуального анализа, лексико-семантического и сравнительно-сопоставительного анализа.

Семья является одной из главных ценностных доминант для русского человека. В учебных пособиях по русскому языку как иностранному российскими авторами преимущественно используются оценочные суждения, носящие позитивный характер. Реже используются нейтральные или негативные оценочные суждения. Китайские авторы учебных пособий по изучению русского языка транслируют в основном позитивную оценку института семьи. Англоговорящие авторы – исключительно нейтральную.

Отдельные параметры также оцениваются по-разному. В отношениях между мужем и женой российскими авторами в контекстах часто транслируется авторитет мужа. При распределении семейных обязанностей ведение домашнего хозяйства закреплено исключительно за женщиной, тогда как работа характерна как для мужчины, так и для женщины. Зарубежные авторы в основном представляют в своих учебниках модель совместного ведения хозяйства, авторитет мужа в их работах не транслируется.

Дети являются ценностной доминантой в большинстве культур, однако выявлено, что при упоминании детей китайские авторы используют исключительно нейтральную лексику, тогда как российские и англоговорящие авторы предпочитают эмоциональную окрашенность (преимущественно положительную, реже – отрицательную).

При описании отношений к старшим родственникам (особенно бабушкам) российские авторы применяют оценочные суждения, которые носят исключительно позитивный характер. В отличие от них китайские авторы используют в отношении бабушек и дедушек нейтральную оценку. Англоговорящие авторы в своих работах отношения между детьми и бабушками/дедушками не описывают.

В специфике описания отношений между родителями и детьми у российских и зарубежных авторов также наблюдается вариативность. В отличие от англоговорящих авторов, не акцентирующих внимание на взаимоотношениях детей и родителей и использующих преимущественно нейтральную лексику при описании данной ценностной категории, российские и китайские авторы подчеркивают уважительное отношение к родителям и взаимную заботу.

Проведенный анализ показал, что, несмотря на общие представления о должном и одобряемом, существующие в различных культурах, в учебных пособиях по русскому языку как иностранному наблюдается имплицитная трансляция ценностных ориентиров, присущих культуре авторов представленных материалов. Специфика определяется не только различиями при выборе тех или иных лексических групп, но также в подсознательной акцентуации на значимых для культуры авторов материалов ценностях.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, лингводидактическое пособие, семья, аксиологическая доминанта, лингвокультурологический аспект*

Для цитирования: Небера М. В. Аксиологическая доминанта «семья»: специфика представления в лингводидактическом дискурсе (на материале учебников по русскому языку как иностранному) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 32–40. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-32-40>

AXIOLOGICAL DOMINANT “FAMILY”: THE SPECIFICS OF REPRESENTATION IN LINGUODIDACTIC DISCOURSE (BASED ON TEXTBOOKS ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE)

Marina V. Nebera

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, nebera@tpu.ru

Abstract

The purpose of the article is to analyze the specifics of the representation of the family value dominants existing in Russian culture, presented in the textbooks on Russian as a foreign language by Russian and foreign authors.

The material of the study are textbooks on Russian as a foreign language by Russian, Chinese and English-speaking authors written in the period from 2007–2018, with a total volume of more than 3,100 pages. We selected dialogues and narrative texts related to the topic of “family” from these materials using a continuous sampling method, allowing to analyze axiological dominants and linguistic means of their expression in various family aspects. The analysis of the obtained data was carried out using the methods of contextual analysis, lexical and semantic as well as comparative analysis.

Family is one of the main value dominants for the Russian people. In textbooks on Russian as a foreign language, Russian authors mainly use positive value judgments, neutral or negative value judgments are used rarely. Chinese authors of the textbooks on the Russian language broadcast mainly a positive assessment of the family institute. English-speaking authors prefer neutral connotations.

Individual parameters are also evaluated in different ways. In relationship between spouses, Russian authors often promote husband’s authority. Considering family responsibilities, household management is assigned exclusively to a woman, while work is typical for both men and women. Foreign authors mainly present in their textbooks a model of joint household management; husband’s authority in their works is not mentioned.

Children are the dominant value in most cultures, however, it was found that when referring to children, Chinese authors use exclusively neutral vocabulary, while Russian and English-speaking authors prefer emotional expressions (mostly positive, less often negative).

When describing the relationship to older relatives (especially grandmothers), Russian authors use value judgments that are of an exceptionally positive nature. In contrast, Chinese authors use a neutral assessment of grandparents. English-speaking authors in their works do not describe the relationships between children and grandparents.

Among Russian and foreign authors there is also a variability in the specifics of describing the relationship between parents and their children. Unlike English-speaking authors, who do not focus on the mutual relationship of children and parents and use mostly neutral vocabulary when describing this value category, Russian and Chinese authors emphasize respect for parents and mutual concern.

The analysis showed, that despite the general ideas about good and approved that exist in different cultures, the authors of the textbooks on the Russian language implicitly represent the value orientations inherent in their culture. The specificity is determined not only by the differences in the choice of certain lexical groups, but also in the subconscious emphasis on values that are significant for the culture of the authors of the materials.

Keywords: *Russian as a foreign language, linguodidactic manual, family, axiological dominant, linguoculturological aspect*

For citation: Nebera M. V. Aksiologicheskaya dominanta “sem’ya”: spetsifika predstavleniya v lingvodidakticheskom diskurse (na materiale uchebnikov po russkomu yazyku kak inostrannomy) [Axiological Dominant “Family”: the Specifics of Representation in Linguodidactic Discourse (Based on Textbooks on Russian as a Foreign Language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 32–40 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-32-40>

Введение

Процесс изучения иностранного языка – это не только освоение собственно языковых структур, это процесс познания культуры страны изучаемого языка, в результате которого формируются представления о ментальности, системе ценностей носителей страны изучаемого языка. Кумулятивная функция языка, заключающаяся в способности собирать и сохранять информацию как о материальной, так и духовной жизни общества, делает связь языка и культуры несомненной. Усваивая иностранный язык, человек одновременно проникает в

иную национальную культуру, соприкасается с иной ментальностью. Как справедливо отмечал В. фон Гумбольдт: «Каждый язык описывает во-круг народа, к которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти постольку, поскольку он вступает в круг другого языка» [1, с. 80].

В настоящее время факту рассмотрения языка в лингвострановедческом и лингвокультурологическом аспекте уделяется пристальное внимание. Лингвострановедческому компоненту в изучении иностранного языка посвящены работы таких отечественных лингвистов, как О. А. Леонтович [2],

С. К. Милославская [3], С. Г. Тер-Минасова [4] и многих других. Согласно лингвострановедческой теории слова предметом лингвострановедения является отобранный языковой материал, отражающий культуру страны изучаемого языка.

Любой культуре присущи определенные ценности, формирующие ценностную картину мира представителя этой культуры. Вопросом изучения и определения ценностей в разные периоды времени занимались многие ученые и философы. В современном мире аксиология, наука о ценностях, выходит за рамки философских учений и рассматривается с разных позиций и подходов в таких науках, как социология, психология, культурология, антропология, педагогика и пр. В последние годы аксиология особенно часто взаимодействует с лингвистикой, что обусловлено невозможностью усвоения, наследования и передачи ценностных смыслов без непосредственного участия языка в истории человеческой культуры. Развитию лингвоаксиологии способствовали работы отечественных ученых Н. Д. Арутюновой [5], С. Г. Воркачева [6], А. Вежбицкой [7], В. И. Карасика [8] и многих других.

Как отмечает С. К. Гураль: «Язык реализует и вербализует, онтологизирует национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение» [9, с. 18]. В нашей работе мы предлагаем рассматривать учебники по русскому языку как иностранному в качестве одного из способов передачи культурных ценностей русского народа представителям других культур, поскольку лингводидактические материалы позволяют проникнуть в культуру страны изучаемого языка через воспитание в иностранном обучающемся ценностно-эмоционального отношения к миру, через активизацию его субъектной позиции, что способствует развитию его собственной культуры общения и поведения в поликультурном пространстве современного мира. Изучение специфики трансляции аксиологических доминант, представленных в учебниках по русскому языку как иностранному, позволяет выявить как общечеловеческое (универсальное), так и национальное (этноспецифическое) в мышлении авторов этих материалов, что в свою очередь ставит перед авторами лингводидактических материалов такие экстралингвистические задачи, как формирование в сознании реципиента (иностранного обучающегося) адекватной ценностной картины мира, объективно отражающей культуру страны и культуру носителей изучаемого языка. Ценностную картину формируют аксиологические доминанты, которые, с одной стороны, являются стимулом речевой и поведенческой активности, а с другой стороны, препятствуют тому, чтобы смотреть на какие-либо факты непредубе-

жденно [10]. А. А. Ухтомский полагал, что доминантами необходимо руководить, их нужно воспитывать и корректировать [11]. Лингводидактические материалы содержат культурные и ценностные доминанты, как бы «программируя» реципиента через изучение языка на принятие этих доминант. И. Л. Викентьев определяет уже сформировавшиеся у человека доминанты порожденными стереотипами мышления и поведения [12].

Цель настоящей работы заключается в выявлении и описании специфики трансляции семейных ценностей, выраженных при помощи средств русского языка, в учебниках по русскому языку как иностранному (РКИ) российских и зарубежных авторов.

В качестве материалов для данного исследования был отобран корпус учебных пособий по русскому языку как иностранному российских, англоговорящих и китайских авторов, выпущенных в период с 2007 по 2018 г., общим объемом свыше 3 тыс. страниц. Далее в тексте мы будем маркировать примеры из данных корпусов соответствующими буквами: российский корпус (РК), английский корпус (АК) и китайский корпус (КК). На первом этапе из представленного материала в ходе применения метода сплошной выборки были отобраны диалоги и нарративные тексты, имеющие отношение к теме «семья», позволяющие проанализировать аксиологические доминанты и языковые средства их выражения. На последующем этапе для анализа полученных данных применялись методы контекстуального, лексико-семантического и сравнительно-сопоставительного анализа. Для анализа отдельных категорий был применен метод количественного анализа.

Результаты и обсуждение

В русской картине мира можно выделить следующие типы ценностных категорий, которые являются наиболее значимыми: абстрактно-ценностные категории (жизнь, добро, счастье, любовь), личностно ориентированные ценностные категории (душа, здоровье, совесть, уважение), социально ориентированные ценностные категории (благополучие близких людей, дружба, семья, дети). Остановимся более подробно на последней ценностной категории и проследим, каким образом транслируются семейные ценности с точки зрения разных аспектов в учебниках по русскому языку как иностранному российскими и зарубежными авторами.

Семья – это одна из главных ценностных доминант для русского человека. В новейшем словаре А. А. Грицанова дается следующее определение: «*семья – это основанное на браке или кровно-родственных отношениях объединение людей, связан-*

ное хозяйственно-бытовой общностью и взаимной ответственностью; первичная институционализируемая социальная форма совместной жизни людей. Возникает С. для обеспечения личного счастья и благополучия человека и выполняет важнейшую роль в воспроизводстве жизни, социализации индивида, его органической связи с обществом» [13, с. 609]. Данное определение отражает специфику понимания семьи российским обществом, где на первое место выходит не юридическая составляющая института, а взаимная ответственность и кровная связь людей.

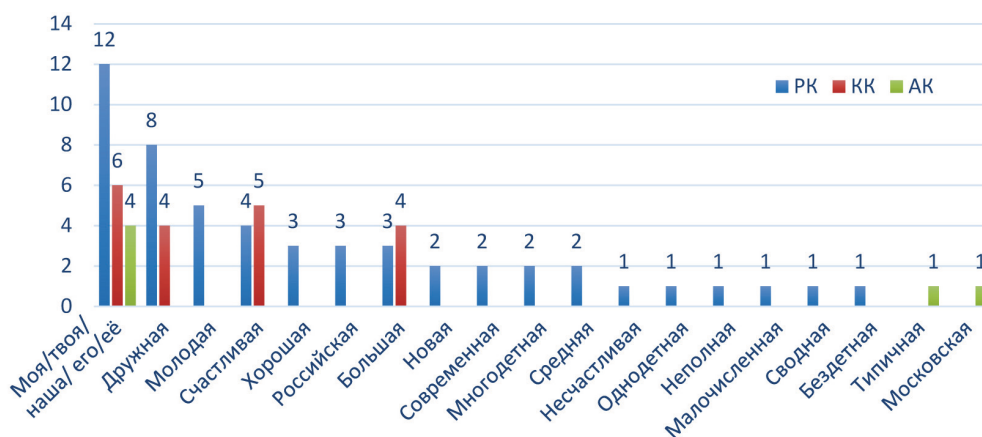
Общая характеристика семьи. В традиционной российской культуре превыше всего ценится теплота семейных отношений и родственных связей. Наличие детей обязательно, но их количество часто зависит от материальных возможностей семьи. Одинокая жизнь или семья без детей воспринимается как несчастье или наказание. «Мы все праздники отмечаем вместе. Наша семья очень **дружная**», «Я так рада, что у меня есть семья. Я так люблю **заботиться** о них», «Наташа и Антон поженились в прошлом году. У них **молодая, но очень дружная** семья», «Хотя **современная** семья не похожа на семью начала XX века, она, как и раньше, является основой общества», «Моя семья очень **большая**. У меня есть два старших брата и младшая сестра», «Один человек был богатым, **но** у него **не было детей**», «Почему в современных семьях **так мало детей**?».

Проведенный на корпусе материалов частотный анализ показал, что в изданиях российских авторов наиболее часто встречаются следующие определения семьи (представлены по мере снижения частотности употребления в текстах): *моя (наша/его/ее/твоя)*, *дружная*, *молодая*, *счастливая*, *хорошая*, *российская*, *большая*, *новая*, *современная*, *многодетная*. Встречаются отдельные случаи использования определений: *несчастливая*, *бездетная*, *однородная*, *неполная*, *малочисленная*, *сводная*, *среднестатистическая* (*средняя*). Отметим, что коли-

чество используемых оценочных прилагательных, которые носят позитивный характер (*дружная*, *счастливая*, *хорошая*) превалирует над количеством нейтральных (*большая*, *молодая*, *российская*, *новая*, *современная*, *многодетная*, *сводная*, *среднестатистическая*, *однородная*, *сводная* и пр.) или негативных прилагательных (*несчастливая*, *бездетная*, *неполная*).

В корпусе материалов, представленных англоговорящими авторами, в качестве определения слова «семья» используются нейтральные номинации по месту проживания либо указанию принадлежности: *моя/твоя* (*наиболее часто*), *московская*, *типичная*. «Родственники Марины живут в Москве. Это **типичная московская** семья». «**Моя** семья живет в Канаде», «Семья **Ивана** живет в Санкт-Петербурге».

В китайских учебниках по русскому языку чаще встречаются такие номинации, как *большая семья*, *дружная семья*, *счастливая семья* (транслируется преимущественно позитивная оценка института семьи). «Считаю, что мне с семьей очень **повезло**», «Как видите, его семья очень **дружная** и, по моему, счастливая. В этой семье **все любят и понимают** друг друга», «Семья Андрея **большая**: мать, отец, бабушка, жена Андрея и он», «У нас есть семейные традиции и правила: **на заботу отвечай заботой**. Не жди, пока тебе прикажут что-то сделать. Сделай сам! **Храни семейные секреты**. Все имеют право на „свое“ время, „своих“ друзей, „свои“ секреты» – в данном примере в большей степени транслируется азиатская традиционность, которой свойственно четкое разделение ролей и прав в семье, важность соблюдения традиций. В современном российском обществе такая традиционность в отношении семьи в большинстве случаев утратила свое значение). Частотность слов, используемых для описания семьи в корпусах учебников по русскому языку как иностранному российских и зарубежных авторов представлена на рисунке.

Частотность слов, используемых для описания семьи в корпусах учебников по РКИ российских и зарубежных авторов

Взаимоотношения между мужем и женой.

В рамках классических взаимоотношений между мужем и женой в российской культуре существует следующая модель: муж – глава семьи (патриархальный тип семьи), он должен содержать и защищать семью. Обязанность жены – рожать детей, заниматься их воспитанием, создавать в доме атмосферу любви и быть хранительницей семейного очага. Несмотря на то что в современном российском обществе отношения в семье более демократичны, патриархальность семьи часто транслируется в учебниках по русскому языку как иностранному:

РК: «Муж заставил ее бросить работу. Нина очень любила свою работу, но еще больше она любила своего мужа, поэтому она ушла с работы» (патриархальность семьи подчеркивается выбранным глаголом «заставил»), «Она назвала сына Виктором, потому что ее мужу очень нравится это имя» (предпочтения мужа определяют выбор имени для ребенка).

Ценностная картина мира русского человека последовательно отражает следующее представление о распределении семейных обязанностей: домашнее хозяйство ведет только жена, карьерные успехи – это задача мужа. Эта модель чаще других находит отражение в корпусе учебных пособий, представленных российскими авторами.

РК: «Вечером вся семья дома. Папа читает газеты, мама готовит ужин», «Папа лежал на диване и читал газету», «Жена всегда говорит мне: „Убери все на место!“ Но мне некогда, и она сама убирает словари в книжный шкаф», «Жена всегда убирает мои брюки и рубашки», «На женищине работа, дети, покупки. Это невыносимо!», «Жена готовит для него завтрак», «Он – президент компании», «Моя мама не работает. Она домохозяйка», (из диалога между мужем и женой) «– Еще я могу сказать ей, что, когда у нас не было посудомоечной машины, посуду всегда мыл я. – Это, конечно, неправда. Но ты можешь так сказать. Только не рассказывай, что, когда не работала наша стиральная машина, ты сам стирал. Все равно тебе никто не поверит».

Реже транслируется модель, когда на жене работа и домашнее хозяйство, а на муже – работа. «Когда я прихожу домой, я готовлю ужин, кормлю детей, проверяю их уроки... Потом приходит с работы муж, я кормлю его. Он что-то рассказывает о работе, но часто у меня уже нет сил его слушать», «Еще он пообещал мне по выходным мыть посуду и помогать убирать квартиру... Я, конечно, не очень верю всем этим обещаниям, но надежда умирает последней. Посмотрим». В отношении мужа российскими авторами преимущественно используются глаголы интел-

лектуальной деятельности или движения, а в отношении жены глаголы приготовления пищи, интеллектуальной деятельности, движения или физиологического воздействия, что обусловлено более широким спектром задач, стоящих в российской семье перед женщиной [14].

У зарубежных авторов наряду с традиционным укладом можно наблюдать равноправие в отношении ведения домашнего хозяйства мужчиной и женщиной.

КК: «Мы с мамой обязательно что-нибудь печем... А мой папа – специалист по салатам», «Мария Петровна – домохозяйка. Все свободное время она отдает дому, семье».

АК: «Вечером она (мама) возвращается домой, папа готовит ужин, и мы все ужинаем вместе», «Тамара, спасибо за вкусный обед».

Отметим, что в анализируемых учебных пособиях модель межличностных отношений, когда на жене и дом, и работа, а на муже только работа, зарубежными авторами не транслируется.

Отношение к детям/рождению ребенка. В соответствии с традиционными представлениями о ценностной картине мира русского человека семья считается счастливой, если в ней имеются дети. И чем больше детей, тем лучше, ведь в прежние времена многодетные семьи в России считались образцовыми. В современном российском обществе эти представления несколько изменились. В наши дни количество детей в семьях очень вариативно и часто зависит не столько от здоровья и физических возможностей родителей, сколько от их материального благосостояния. Неизменным остается тот факт, что в русской культуре дети всегда занимали особое место, что подтверждается общеизвестной фразой «Все лучшее – детям». Дети – это одна из главных ценностей в русской картине мира. Детей принято баловать, о них часто беспокоятся и переживают, они являются гордостью для своих родителей [15].

РК: «Ребенок – это такое счастье», «Детей нужно хвалить» «И это самая приятная новость: у нас родилась девочка», «Ольга хочет второго ребенка. Она мечтает о девочке», «Семья, имеющая одного ребенка, часто мечтает о втором», «Я хочу иметь семью, в которой было бы трое детей».

Упоминания детей в текстах учебников, представленных китайскими авторами, носят нейтральный характер, оценочные высказывания в отношении детей не встречаются: «У нас маленький сын, и я пока сижу дома», «Они уже давно женаты, и у них двое детей». «У Ивана есть дети: мальчик и девочка».

Отличительной особенностью учебников, представленных российскими авторами, является по-

следовательное использование в текстах диминутивных форм имен и обращений в отношении детей. Использование уменьшительно-ласкательных форм позволяет авторам придать выражениям эмоциональную окрашенность и еще больше подчеркнуть ценностно-трепетное отношение к ребенку. РК: *Наташенька, Олечка, Павлуша, доченька, Ирочка*.

Следует отметить, что подобный способ оценивания редко встречается в учебных пособиях англоговорящих авторов (АК: *Питер знает, что жену Саши зовут Тамара, а дочку – Ирочка*), тогда как китайские авторы никогда не применяют диминутивные формы в отношении детей в своих лингводидактических материалах, что может быть обусловлено отсутствием данной формы в китайском языке.

Следует отметить тот факт, что, несмотря на наличие в учебниках примеров, подтверждающих трепетное отношение к детям, русскоговорящие и англоговорящие авторы используют в отношении детей также лексические единицы, имеющие выраженное негативное значение: *проблема, к сожалению, ужасно, непросто* и пр. У китайских авторов негативно окрашенные лексические единицы в контекстах, связанных с детьми, отсутствуют:

РК: *«Ты мне мешаешь!»* (обращаясь к ребенку), *«С детьми непросто»*, *«Родили на мученье»*, *«Как жаль, что свободного времени так мало»*.

АК: *«К сожалению, когда вместо разговора Сережа играет на гитаре и Саша поет, я не могу их слушать, когда они дают такой концерт»*, *«Брат кричит и плачет ужасно громко»*, *«Но часто у Галины Сергеевны настроение ужасное. Главная проблема – сын Дима»*.

Отношение к родственникам старшего поколения. В традиционной аксиологической картине мира русского человека транслируется тесная связь между поколениями близких родственников. Подобные ценности можно встретить также в семьях различных азиатских стран. Несмотря на то что современное молодое поколение, обладая более высоким образовательным уровнем, не признает авторитет старшего поколения в прежней мере, бабушки до сих пор являются теми, к кому всегда можно обратиться за советом, кто собирает вокруг себя всю семью, однако и сам при этом часто нуждается в заботе и внимании со стороны близких людей. Это отношение транслируется российскими авторами в учебных пособиях по русскому языку как иностранному.

РК: *«Я с благодарностью вспоминаю бабушку, чьи советы так помогли мне в жизни»*, *«Кольцо перешло ко мне от моей любимой бабушки»*, *«Бабушка Оли уже старенькая. Она плохо видит и плохо слышит. Но она очень добрая и*

просто обожает свою внучку...» – в данном примере использование смягчающего суффикса -еньк намеренно смещает акцент с возраста на проявление заботы по отношению к бабушке (*бабушка старенькая*), *«У бабушки плохое зрение, плохой слух, плохая память, но очень хороший характер. Оля всегда спрашивает совет у бабушки»* – несмотря на перечисленные возрастные недостатки, отношение к бабушке проявляется положительно.

«Она рассказала о конференции любимой бабушке», *«Бабушка, что б я без тебя делала!»* – экскламация позволяет эмоционально подчеркнуть потребность в бабушке.

«Вообще, дедушка играл важную роль в моей жизни», *«Мне нужно навестить бабушку»*, *«Нужно купить подарок моей дорогой бабушке, моему старому дедушке, моей любимой тете»* – авторы транслируют любовь, заботу и переживания молодого поколения в отношении своих старших родственников.

Китайские авторы лингводидактических материалов предпочитают смещать акцент с родственных связей на почтенный возраст. Родственные отношения между внуками и бабушками или дедушками не подчеркиваются и оцениваются нейтрально.

КК: *«У Антона есть бабушка...»* (далее по тексту) *«Пожилые люди часто начинают путешествовать на пенсии»*.

Следует отметить, что в ценностной картине мира западного человека совершеннолетним детям принято вести свою жизнь отдельно от родителей. Они редко живут вместе. Часто забота о старшем поколении находится в зоне ответственности государства, а не детей или внуков. Этим может быть обусловлен тот факт, что в исследованном корпусе учебных материалов англоговорящих авторов отсутствуют примеры, в которых бы встречалось упоминание бабушек или дедушек.

Отношение к родителям. Ценностная картина мира русского человека содержит следующие доминанты в отношениях с родителями: непоколебимый авторитет родителя, как правило отца (в анализируемом корпусе материалов российских авторов встречается номинация отцовского авторитета, выраженного такими лексическими единицами, как *убеждать, заставлять, уважать, решать*); забота родителя о ребенке и ребенка о родителе; любовь и уважение к родителям; мама в ценностной картине мира любого русского человека предстает как символ заботы и безграничной любви вне зависимости от возраста ребенка.

РК: *«Они (родители), конечно, помогают нам»*, *«Мама – самая добрая женщина в мире. Она*

никогда не сердилась на меня, не ругала, не била, хотя в детстве я был хулиганом... Она хотела хорошо воспитать меня. Я **обожаю** свою мать», «**Мамочка**, я чувствую себя хорошо», «**Дорогая мамочка! Целую тебя**», «**Старая мать была рада видеть сына и засмеялась**», «**Мама заставляет своего сына заниматься**», «...но его мама хотела, чтобы он занимался музыкой... (впоследствии) Музыка стала смыслом его жизни» – давление на волю ребенка продиктовано благостью родительских намерений.

«Родители **убедили** меня поступать на юридический факультет. Сейчас я совсем не **жалею** об этом» «**Андрей уважает** своего отца», «Сын **уважает отца**», «**Дети должны заботиться** о своих родителях», «Я решил стать инженером, как отец», «Мой отец был капитаном, он плавал всю жизнь. У меня его гены», «Папа не устает повторять мне... Я понимаю, что **он прав**», «Мама не так категорична, как папа», «Так, молодые люди, несмотря на критическое отношение к дому, к семье, по-прежнему **высоко ценят своих родителей**».

Специфика трансляции семейных ценностей российскими авторами в данной категории заключается в использовании диминутивов и экспрессивной оценочной лексики. Кроме того, в контекстах часто используются глаголы социальных отношений, глаголы принуждения, сравнительные обороты с терминами родства.

В корпусе учебников китайских авторов также транслируется забота детей и родителей друг о друге, подчеркивается связь родителей с детьми, папа – это не только авторитет для ребенка, но и друг. Специфика трансляции в данном корпусе материалов схожа со спецификой, применяемой российскими авторами, за исключением того факта, что китайские авторы не используют диминутивные формы в отношении родителей.

КК: «По субботам и воскресеньям **мы навещаем** моих родителей (родители Нины живут в Санкт-Петербурге)», «Мой папа работает врачом. Я **хочу быть похожим на своего отца**», «У меня **прекрасные родители. Заботливые, добрые** и особенно не вмешиваются в мои дела, но **всегда помогают** советом, если просишь», «Больше всего он (папа) **любит шутить**. У него всегда есть веселые анекдоты, которые он рассказывает нам по вечерам».

Отметим, что в материалах англоговорящих авторов связь с родителями не акцентируется. В текстах и диалогах используется преимущественно нейтральная, в отдельных случаях – ближе к негативной лексика.

АК: «Папа почти никогда **не разговаривает** за завтраком... Вот почему у него такая привычка

– **читать и молчать за столом**» (транслируется недовольство ребенка привычками отца, отсутствие дружественных отношений с ребенком), «Мой отец – инженер. Он уже 10 лет работает на заводе» (отец упоминается только с позиции его трудовой деятельности, связь с ребенком также не транслируется).

Заключение

В современной лингвистике внимание все чаще уделяется связи культуры и языка, однако изучение языка в лингвоаксиологическом и лингвокультурологическом аспектах в значительной степени затрудняется из-за «релятивного характера ценностей аксиологических установок» [16, с. 54]. Анализ, проведенный на корпусе лингводидактических материалов, демонстрирует, что, несмотря на общие представления о должном и одобряемом, существующие в различных культурах, аксиологическая реальность не в полной мере соответствует ценностной картине мира русского человека, представляемой и транслируемой зарубежными авторами в учебных пособиях по русскому языку. Зарубежные авторы часто имплицитно выражают специфику своего мировосприятия и транслируют свои ценностные ориентиры в текстах учебников по русскому языку, при этом этнокультурные различия проявляются не только в специфичности выбора тех или иных лексических групп, но также в подсознательной акцентуации на значимых для своей культуры ценностях. Это проявляется как в специфике представления моделей супружеских отношений, типичных для той или иной культуры, так и в вариативности трансляции отношения к детям, родителям или старшему поколению. Отмечается, что в сравнении с зарубежными авторами учебников по русскому языку как иностранному российским авторам при описании аксиологической доминанты «семья» свойственна более яркая эмоциональная окрашенность и более широкая вариативность оценочных суждений, что может быть обусловлено как культурологическими различиями, так и более ограниченными языковыми возможностями неносителей языка.

Проведение исследований в области анализа трансляции аксиологических доминант в лингводидактических пособиях на разных уровнях языковой системы вносит вклад в развитие лингвоаксиологии, предоставляет возможность людям лучше понять духовные, культурные и иные ценности, транслируемые в рамках преподаваемого языка, позволяет выявить и проследить перемены в ценностных иерархиях общества, что становится особенно актуальным с учетом современного возрастающего темпа развития культур.

Список литературы

1. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
2. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пос. М.: Гнозис, 2007. 366 с.
3. Милославская С. К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России. М.: Флинта: Наука, 2012. 400 с.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «лингвистика и межкультурная коммуникация». М.: Слово, 2000. 261 с.
5. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
6. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // ФН. 2001. № 1. С. 64–72.
7. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
9. Гураль С. К. Мировоззрение, картина мира, язык: лингвистический аспект соотношения // Язык и культура. 2008. № 4. С. 14–21.
10. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
11. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
12. Викентьев И. Л. Принцип доминанты Ухтомского // ТРИЗ. 1991. № 2.2. С. 18–23.
13. Грицанов А. А. Новейший философский словарь. Минск: В. М. Скакун, 1998. 896 с.
14. Баско Н. В. Знакомимся с русскими традициями и жизнью россиян. Учебное пособие по культурологии, развитию речи и чтению для изучающих русский язык как иностранный. М.: Рус. яз. курсы, 2007. 232 с.
15. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.
16. Чекулай И. В., Прохорова О. Н. Стабильность как категориальная область аксиологической стороны лингвистической семантики // Язык: мультидисциплинарность научного знания: научный альманах Алтайской государственной педагогической академии. Барнаул: Алтайская гос. пед. академия, 2013. С. 52–58.

References

1. Gumboldt Von W. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1984. 400 p. (in Russian).
2. Leontovich O. A. *Vvedeniye v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu* [Introduction to crosscultural communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2007. 366 p. (in Russian).
3. Miloslavskaya S. K. *Russkiy yazyk kak inostrannyy v istorii stanovleniya evropeyskogo obraza Rossii* [Russian as a foreign language in the history of the formation of the European image of Russia]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2012. 400 p. (in Russian).
4. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: uchebnoye posobiye dlya studentov, aspirantov i soiskateley po spetsial'nosti "lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"* [Language and crosscultural communication: a study guide for students, postgraduates and degree seeking applicants for the specialty "linguistics and crosscultural communication"]. Moscow, Slovo Publ., 2000. 261 p. (in Russian).
5. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p. (in Russian).
6. Vorkachev S. G. *Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovleniye antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii* [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskiye Nauki*, 2001, no. 1, pp. 64–72 (in Russian).
7. Vezhbitskaya A. *Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through keywords]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 288 p. (in Russian).
8. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost' kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).
9. Gural' S. K. *Mirovozzreniye, kartina mira, yazyk: lingvisticheskiy aspekt sootnosheniya* [Worldview, world picture, language: linguistic aspect of correlation]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2008, no. 4, pp. 14–21 (in Russian).
10. Vereshchyagin E. M., Kostomarov V. G. *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Linguistic and cultural theory of the word]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1980. 320 p. (in Russian).
11. Ukhtomskiy A. A. *Dominanta* [A Dominant]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2002. 448 p. (in Russian).
12. Vikent'yev I. L. Printsip dominanty Ukhtomskogo [Ukhtomskiy's dominant principle]. *TRIZ*, 1991, no. 2.2, pp. 18–23 (in Russian).
13. Gritsanov A. A. *Noveyshiyy filosofskiy slovar'* [The newest philosophy dictionary]. Minsk, V. M. Skakoun Publ., 1998. 896 p. (in Russian).

14. Basko N. V. *Znakomim'sya s russkimi traditsiyami i zhizn'yu rossiyan. Uchebnoye posobiye po kul'turologii, razvitiyu rechi i chteniyu dlya izuchayushchikh russkiy yazyk kak inostrannyi* [Let us meet Russian traditions and life of the Russians. A textbook on cultural studies, speech development and reading for students of Russian as a foreign language]. Moscow, Rus. yaz. kursy Publ., 2007. 232 p. (in Russian).
15. *Tolkoviy slovar' russkikh glagolov: Ideographicheskoye opisaniye. Angliyskiye ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory Dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Ed. Prof. L. G. Babenko. Moscow, AST-PRESS Publ., 1999. 707 p. (in Russian).
16. Chekulay I. V., Prokhorova O. N. *Stabil'nost' kak kategorial'naya oblast' aksiologicheskoy storony lingvisticheskoy semantiki* [Stability as a categorical domain of the axiological side of linguistic semantics]. *Yazyk: mul'tidistsiplinarnost' nauchnogo znaniya: nauchnyy al'manakh Altayskoy gosudarstvennoy pedagogicheskoy akademii*, 2013, no. 3, pp. 52–58 (in Russian).

Информация об авторе

Небера М. В., аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Nebera M. V., postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 24.08.2022; принята к публикации 07.12.2022

The article was submitted 24.08.2022; accepted for publication 07.12.2022